

Прощальный дар души

МЕМОРИАЛ

...Стояло лето 1981 года – канун «золотого» юбилея Магнитогорского металлургического комбината и выдачи первого чугуна на Магнитке. Вместе со старшим горновым Николаем Ореховым мы наблюдали за ходом выпуска на домне № 1, когда со стороны «Комсомолки» на пешеходном мостике появились пожилой незнакомец в белой каске с тростью в руке.

Первой моей мыслью было: «Инспектор!..» Быстро оглядел литейный двор – все ли в порядке. А человек, между тем, исторично приблизился к нам, постоял на площадке до конца выпуска чугуна и вместе с нами отправился на пульт управления. Вот тут и выяснилось, что никакой он не инспектор и даже не журналист, решивший написать репортаж о работе лучшей домновой печи, а... художник Николай Петрович Рябов. В то время был этот человек частым гостем нашего цеха. Тогда были написаны им портреты Героя Социалистического Труда Василия Наушкина, гор.ового Сергея Филатова, группы доменщиков, не раз участвовавшие затем в различных выставках.

Вторая наша встреча с Николаем Петровичем случилась на следующий год, когда он пригласил меня в свою мастерскую для написания портрета. В просторном помещении с высоким потолком было уютно. Перед каждым сеансом хозяин мастерской ставил на проигрыватель долгоиграющую пластинку с записью классической музыки, но прежде обязательно спрашивал, как я отношусь к тому или иному композитору. Необычайная скромность и простота этого человека притягивали любого...

В начале декабря 1984-го мы с Николаем Петровичем стали гостями V съезда Союза композиторов РСФСР. В то время по заказу Магнитогорского музыкального училища Рябов работал над созданием портретной галереи советских музыкантов и композиторов. Тогда, на съезде, он договорился о написании портретов Тихона Хренникова и Александра Пахмутовой. А стены фойе Большого концертного зала Магнитогорской консерватории украсит сегодня 36 прекрасных работ, выполненных художником в технике пастели...

Последняя персональная выставка члена Союза художников России Николая Рябова состоялась 10 лет назад в Магнитогорской картинной галерее. Она стала посмертной. Ныне полторы сотни полотен, принадлежавших кисти талантливого живописца, лежат в квартире вдовы художника Валентины Ивановны Мервовой. В пору работы в Магнитке польских специалистов Николай Петрович не раз получал заказы на портреты и пейзажи, украшающие теперь зарубежные частные коллекции. Два года назад пришла Валентине Ивановне баннероль из Польши с цветными фоторепродукциями. Приехала ее некая Ядвига Линьковска вместе с письмом, в котором сообщала о прошедшей у них выставке работ художника Рябова из частных собраний, организованной польскими почитателями его творчества. Картины его можно найти сегодня в США и Германии, Израиле и Финляндии, хранятся они в запасниках музеев Екатеринбург, Челябинск, Пермь...

Как-то прочел в «Магнитогорском металле» то, что теперь уже бывший министр труда Александр Починков тратит немалые деньги на коллекционирование живописных работ. Он знает, во что вкладывать средства! Может и у нас в городе найдутся такие ценители, которые организуют в картинной галерее выставку-аукцион полотен художника Николая Рябова. А портреты металлургов, возможно, приобретет музей ОАО «ММК»...

«Магнитка - это навсегда»

Начало на 1-й стр.

– Вы много пишете в книге о стихийности строительства Магнитки. А ведь люди, особенно старшего поколения, воспринимают историю иначе.

– Когда мы победили в Великой Отечественной войне, то довольно долго показывали фашистов тупыми. А потом задумались, как же мы таких тупых столько лет не могли победить...

– Сознание у части наших людей мифологическое, и им трудно воспринимать правду.

– Не согласен с этим. Когда я работал редактором «Магнитогорского рабочего», мы опубликовали статью американского исследователя Стивена Коткина «Магнитка глазами американца». В ней он впервые показал нашу историю такой, какой мы ее еще не знали. Я месяц не решался опубликовать этот материал, настолько острым он казался. А когда напечатали, получили сотни благодарственных писем. Люди, в том числе и ветераны, хотят знать правду. О том, что на строительство заводов шли средства от продажи зерна, картин, драгоценностей, которые изымались у населения. О том, что по прибытию иностранных судов в советские порты морякам обменивали валюту на бобы, которые они травили в кафе, ресторанах и на проститутку. Вырученная валюта расходовалась на индустриализацию, а капитаны судов, которые выполняли план по вырубке, получали премию от советских властей.

– Я выступал с лекциями перед молодыми магнитогорскими металлургами и был поражен их любопытством, желанием узнать правдивую историю города и комбината. У многих представление о Магнитке как о городе, построенном угольниками. Угольники были, конечно, только они ничего не определяли. Но при всех заблуждениях молодежь поставила передо мной такие вопросы, до которых я сам не дошел. Постараюсь ответить на них в книге.

– Это время, как и все, что произошло после 17-го года, мы еще долго будем воспринимать эмоционально. Когда вы рассказываете о трагических страницах, насколько спокойно вы это воспринимаете?

– Эмоции не работают, когда пытаешься установить факты. Эмоциональный может быть публицистика. Если же исследователь попадает под влияние эмоций, он становится зависим от своих собственных чувств. Работает другое – ответственность за интерпретацию чужой жизни.

– Но к судьбам то людей нельзя остаться безучастным.

– Конечно, когда я увидел портрет Якова Павловича Шмидта за день до расстрела, когда на него надели сорочку и даже не успели поправить воротничок, увидел полное трагизма лицо человека, ощущающего близость смерти, то не смог сдержать эмоций. Когда я узнал, что ради спасения от блох и вшей люди спали на открытом воздухе – а другая возможность спастись не было, и когда приезжий инспектор пишет, что с наступлением холодов такая возможность исчезнет, то подумал: как же они жили? У нас любят цитировать Маяковского: «Через

четыре года здесь будет городсад, но редко вспоминают строки из этого же стихотворения: «Сидят впотмах рабочие, подмокший хлеб жуют». Вот эта картина – один к одному про Магнитострой. Но про эти строки не любил вспоминать, они не вписывались в официальную идеологию.

– Насколько вы готовы проникнуть в частную жизнь людей, о которых пишете, и можете ли об этом говорить?

– Очень осторожно, только с разрешения родственников. Я знаю о своих героях намного больше, но не могу об этом написать. Я наблюдаю внутреннюю этику.

– А вообще считаете, нужно ли это проникновение?

– В частной жизни есть нечто, достойное публичного рассказа, если это оказывало влияние на людей. Известно, например, что Авраамий Павлович Завенягин любил насвистывать мелодии из опер. И те, кто хотел ему подражать, тоже свистели, как он. И хоть это характеризует не столько Завенягина, сколько тех, кто подражал ему, о таких деталях я стараюсь рассказывать. Если же человек моргает глазами или заикается, и это никак не влияет на судьбы других, я о таких вещах не упоминаю.

– Вы много работали над книгой в Москве, в Магнитогорске столько материала не нашли бы?

– Почему? Многие удалось обнаружить и в Магнитогорске. Вот над второй частью книги я буду работать совсем по-другому. Ее основное название – «Директорский корпус: из тисков социализма – к рынку».

– То есть вы хотите довести историю до наших дней?

– Да, ее временные рамки – с 1955 года по 2003.

– А почему планируете больше работать здесь? В Москве вы вычерпали все из архивов?

– В одних архивах последние документы датируются 1954 годом, в других все обрывается на 90-х годах. Многие составляют пока предмет тайны, поэтому документы не доступны для анализа. Для работы над второй частью мне нужны очевидцы. А, во-вторых, я хочу, чтобы каждый очерк до его выхода был прочитан в Магнитке.

– Многие документы 70-летней давности еще не открыты, и не обо всем еще можно сказать. А пришло ли время говорить о том, что происходило относительно недавно и на памяти людей?

– Знаете, попытка понять эпоху не имеет границ. Но если я почувствую, что в силу каких-то причин мне не хватает материала, обойду тему стороной. Создавать мифы и легенды о людях я не буду. Не хочу, чтобы вторая часть книги переросла в какой-то публицистический расказ.

– Вы будете опираться на воспоминания людей, но ведь они грешат субъективностью, так что сложнее придется...

– Сложнее, согласен. Но я думаю, что, если воспоминания искренни, они не менее важны, чем архивные материалы. Одна из основных задач второй части – показать, как в условиях социализма возникали элементы рыночных отношений.

– Насколько полно вы раскрыли историю комбината, рассказывая об его директорах?

– Я думаю, совершенно не полно, я уже сейчас готов переиздать первую часть.

– Отразится ли это на сроках сдачи второй части книги?

– Я должен сдать ее в печать в конце этого года и буду находиться в Магнитогорске до тех пор, пока не посчитаю, что работа закончена.

– Кому книга нужнее? Людям, которые помнят эти события? Или нынешнему поколению?

– Я думаю, совершенно не полно, я уже сейчас готов переиздать первую часть.

– Отразится ли это на сроках сдачи второй части книги?

– Я должен сдать ее в печать в конце этого года и буду находиться в Магнитогорске до тех пор, пока не посчитаю, что работа закончена.

– Я думаю, совершенно не полно, я уже сейчас готов переиздать первую часть.

– Отразится ли это на сроках сдачи второй части книги?

– Я должен сдать ее в печать в конце этого года и буду находиться в Магнитогорске до тех пор, пока не посчитаю, что работа закончена.

– Я думаю, совершенно не полно, я уже сейчас готов переиздать первую часть.

– Отразится ли это на сроках сдачи второй части книги?

– Я должен сдать ее в печать в конце этого года и буду находиться в Магнитогорске до тех пор, пока не посчитаю, что работа закончена.

Воспоминания – это единственный рай, из которого мы не можем быть изгнаны.

Югания РИХТЕР

Неизвестный Смеющев

ВЗГЛЯД

Готов подписаться под каждым добрым словом, сказанным в газете по случаю 65-летия Виктора Александровича Смеющева. Но не скажу, по-моему, главное.

90-е годы пережили из коммунизма в беспристрастия миллионы россиян и десятки тысяч магнитогорцев. Смеющев остался в числе тех, для кого коммунистическая идея не исчезла вслед за ликвидацией СССР, КПСС, Советов. Почти десятилетия мы с ним встречаемся ежемесячно, а то и еженедельно. Вместе в бюро горкома КПРФ, в горсовете движения «За возрождение Урала», а значит, и на собраниях, митингах, демонстрациях, выборах.

Мне глубоко и по-человечески симпатичен мой старший товарищ. Казалось, бывший первый секретарь горкома – у него должно быть в прошлом. А вот нет. Колоссальный опыт работы с людьми, знания позволяют ему и сегодня оставаться в строю патриотов. О том, что секретарь горкома КПРФ был помощником директора ОАО «ММК» А. Старикова как депутата Челябинского областного совета, увы, ни слова. Помогать директору – это помогать ста тысячам металлургов и ветеранов, да что там – всей страной Магнитке. Виктор Александрович активно это делает. И не делит ее на своих и чужих, хотя не скрывает желания возродить пионерскую и комсомольскую организацию. И он не стыдится, как иные руководители, за свое и наше светлое прошлое.

Он удивительный человек. Критикует за мягкость Г. Зюганова и тут же самодвижительно клеит листовки в его поддержку. Клеймит «демократов» и ищет объяснения поступков В. Путина. Времена «одобрямса» давно прошли, и Россия нуждается именно в активных, мыслящих деятелях, а не электорат, вечно голосующий как велят.

Кто-то из близких товарищей скажет: «Ты что, Михалыч? Ведь именно с подачи В. Смеющева тебя вывели из состава горкома». Что ж, ему наплевать, что я – засланный, этакая «японская колонка» в КПРФ. Время рассудило. Но за такую принципиальность можно и должно Виктору Александровичу лишь пожать руку. И пожелать только здоровья. Все остальное у него есть.

Анатолий МЯГКОВ.

Тайна Николая Мышкова

Глава из книги Валерия Кучера

Директору Магнитогорского комбината Николаю Гордееву Мышкову не повезло. Имя его – предшественника знаменитого Авраамия Павловича Завенягина – мало кто знает в Магнитогорске, кроме, пожалуй, узкой группы специалистов, да и те, похоже, имеют о нем отрывочные сведения.

Личность Мышкова оказалась самой трудной для исследования. Почти отсутствуют о нем какие-либо данные в изданиях о комбинате.

Казалось, что его биография едва ли не скрыта от общественности Магнитогорска. Но почему? С какой целью? Таинственность десятилетиями окружала Мышкова. Почти два года ушло на сбор материалов о нем. Далеко не все обнаружено. Однако даже то, что удалось отыскать в архивах и других источниках, позволяет приблизиться к пониманию характера этого человека, лучше узнать его привычки, наклонности, методы и приемы работы руководителя.

Районщик

Рассказ о Н. Мышкове начнем с описания двух эпизодов из разных периодов его жизни. Когда Мышков был молодым рабочим (ему тогда было 19 лет), он почитал два года по заданию «старших партийных товарищей» собирал в Луганске деньги для «арестованных единомышленников». В партийной подпольной среде, а Мышков познакомился с большевиками, когда ему было 16 лет, сбор денег считался ответственной работой, а «профессионалы» назывались «районщиками». За Мышковым был закреплен один из рабочих районов Луганска, и он добросовестно пополнял «кассу взаимопомощи» денежными средствами, иными словами, изымал копейки у запуганных жителей города.

В 1921 году (в 27 лет) Николай Мышков получил партийный выговор за то, что избил

красноармейца, громившего дом.

Два взаимоисключающих факта. В раннем возрасте, получив власть над другими, Мышков грабил население закрепленного за ним района. Сам же был из простых и рядовых и поэтому мог почувствовать жалость к тем, кого грабили другие.

Эти факты говорят о нем как о жестком человеке, но вместе с тем и справедливом. Но не эти качества определяли Мышкова как личность, ставшего впоследствии первым заместителем наркома легкой промышленности СССР.

Луганский медник

Н. Мышков родился в нищей многодетной семье слесаря железнодорожных мастерских. Его отец и мать были выходцами из крестьян Каменного Бродя, предместья Луганска. Отец умер, когда Николаю – самому старшему из пяти его братьев – исполнилось 8 лет. Жить стало еще тяжелее. Но Мышков поступает в сельскую школу, которую заканчивает через четыре года. Способному мальчику предложили пойти учиться в городское училище со стипендией земства. Семья, однако, была на краю бедности. Чтобы лопнуть до 15-летнего возраста, а затем поступить на паровозостроительный завод Гартмана учеником в медницкую мастерскую и получить специальность медника. Мышков отправляется на заработки к подрабочему по печным и кровельным работам.

На заводе Гартмана Н. Мышков трудился семь лет. Это был в его жизни самый длительный период работы на одном месте, в течение которого начинали развиваться и окончательно сформировались его партийные и гражданские пристрастия.

Мышков быстро сошелся с большевиками-подпольщиками, которые работали на этом заводе

общественного комитета рабочих, членом которого был Мышков. Узнав, но хорошо организованная подпольная организация большевиков перестает считаться с мнением легального рабочего комитета. Став его председателем, Мышков в основном выполняет партийные поручения. Например, именно он оформлял отчеты военно-обязанным. Этим шагом большевики старались привлечь к своей стороне рабочих, которых насоблажили от службы в армии. Будучи председателем общественного комитета, Мышков одновременно являлся членом боевой дружины партии.

Авторитет Н. Мышкова в рабочей среде возрастает. Это позволило ему возглавить после Октябрьской революции хозяйственный отдел предприятия.

Когда немцы стали приближаться к Луганску, Совет рабочих депутатов распорядился эвакуировать ценные заводские грузы на север. За это дело снова взялся Мышков. После успешного завершения секретной операции Мышков поступает в распоряжение Курского губкома партии, который направляет его в связи с необходимостью обеспечения сохранности грузов на участок железной дороги между Белгородом и Курском председателем Белгородского ЧК станции Белыхнихи. Мышков проработал чекистом лишь четыре месяца, успешно выполнил задание, и участок ЧК был ликвидирован. Однако опыт «районщика» и члена боевой дружины партии обогатили практикой работы в силовой структуре.

Покровитель

Вскоре произошла самая решающая, судьбоносная встреча в жизни Николая Гордеевича Мышкова – он познакомился с другом и ближайшим сподвижником Сталина К. Е. Ворошиловым. Мышков не только

Победили в конкурсе

КРАЕВЕДЕНИЕ

Творческий конкурс «Сто имен Челябинской области», посвященный 70-летию области, ставил своей целью формирование духовно-нравственных качеств подрастающего поколения. На семинаре краеведов в «Экополисе» городского центра творчества было решено отправить на конкурс представителей 45-й и 48-й школ. Елена Михалыченко и Екатерина Подпильная из школы № 45 (руководитель Л. Волоочева) заняли первые места, а Елена Бельшева из школы № 48 (руководитель Л. Кшоска) получила благодарственное письмо.

Александр БОРИСОВ.

Продолжение следует.